

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Виталий Воронович

События последнего десятилетия наглядно подтверждают мнение отечественных и зарубежных экспертов, полагающих, что «путь развития Китая, скорость и направление развития, мировидение этой страны в высокой степени структурируют состояние международных отношений» [8, с. 7], стабильность и безопасность не только в Азии, но и в мире в целом. С учетом резкого увеличения количества локальных вооруженных конфликтов различной природы и интенсивности, диверсификации угроз, вызовов и рисков безопасности практически на всех уровнях, а также вовлеченности КНР в наибольшее число неразрешенных территориальных споров по сравнению с другими государствами военная политика данной страны, ее особенности и трансформация в контексте реализации долгосрочной стратегии развития имеют несомненную актуальность и вызывают особый интерес.

При этом под военной политикой государства следует понимать упорядоченную совокупность концептуальных идей, конкретных решений и практических действий, направленных на создание, поддержание и совершенствование военной организации, средств вооруженного насилия для обеспечения национальной безопасности и решения иных политических задач. Одновременно напомним, что к основным аспектам разработки и реализации военной политики специалисты традиционно относят: оценку необходимости, условий и масштабов применения вооруженной силы для достижения политических целей; определение ориентиров и целей военного строительства; непосредственно политическое руководство применением вооруженной силы; установленный организационно-правовой механизм и прикладные (текущие и стратегические) параметры координации военной деятельности с союзными государствами.

Нельзя не отметить, что публикации по соответствующей тематике как в Республике Беларусь, так и за рубежом традиционно отличаются не только определенным количественным разнообразием, но и преимущественно узкоспециализированной направленностью, хотя данное обстоятельство отнюдь не ума-

ляет в целом высокой оценки качества большинства из них. Среди работ общетеоретического свойства, сконцентрированных на комплексном анализе трансформации и сущностной модернизации системы международных отношений, междисциплинарном изучении различных концепций безопасности, выделим труды О. Н. Быкова [7], М. М. Лебедевой [14; 15], В. В. Михеева [16–18], В. Е. Петровского [19; 20], М. А. Троицкого [28].

Вопросы концептуального обоснования, практической реализации, изменения ключевых параметров и приоритетов внешней политики КНР, неизбежно интегрированных с ними в современных условиях военнодоктринальных взглядов руководства Китая, конкретных направлений международного военно-технического сотрудничества с участием упомянутого государства рассмотрены в трудах Е. П. Бажанова [1], В. Р. Борового [4–6], А. Ф. Клименко [11], В. А. Корсуна [13], Б. Д. Пядышева [21], М. Л. Титаренко [25–27] и зарубежных исследователей Б. Фредеркинга (*B. Frederking*) [32], У. Мэттьюза (*W. Matthews*) [34], Дж. Пака (*J. Pak*) [35].

Исключительно пристального внимания в контексте обозначенной темы заслуживают исследования П. Б. Каменнова [9; 10], А. А. Свешникова [22; 23] и В. В. Стефашина [24], направленные на детальный анализ развития конкретного сегмента военно-промышленного комплекса китайского государства, интегрированного с модернизацией внешнеполитических концепций КНР и актуальных военнодоктринальных взглядов руководства. Тем более, что, по мнению китайского руководства, на современном этапе и в среднесрочной перспективе «Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, укреплять ее оборону» [9, с. 15].

В данном случае трудно отрицать очевидное сходство обозначенного тезиса с положениями новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2010 г. и закрепляющей в пункте 62 следующий постулат: «Система обеспечения нацио-

Автор:

Воронович Виталий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Военной академии Республики Беларусь

Рецензенты:

Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

Беляев Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, мировой и отечественной культуры факультета технологий управления и гуманитаризации Белорусского национального технического университета

нальной безопасности организуется и развивается на основе дальнейшего совершенствования имеющихся подсистем и механизмов, обеспечивающих надежность и устойчивость ее функционирования, а также с учетом реальных финансовых и материальных возможностей государства» [12]. В то же время при рассмотрении данной темы нельзя пренебрегать исключительно важным обстоятельством, связанным с невозможностью пока по объективным для КНР причинам в полной мере преодолеть негативные тенденции, связанные с моральным и физическим старением вооружения и военной техники, ухудшением состояния военной инфраструктуры, что также в определенной мере напоминает белорусскую ситуацию, четко обозначенную в пункте 24 упомянутого выше документа.

Помимо изложенного нельзя не признать, что и в Китае, и в Беларуси закреплённые официально теоретические основы военной безопасности государства ныне все же носят более реалистичный и аналитический, нежели декларативно-идеологизированный характер. В частности, об этом свидетельствует изучение ключевых параметров актуальной китайской концепции безопасности, основанной на тезисе, согласно которому главную опасность для Китая на данном этапе представляет не только и не столько неравномерность соотношения сил различных стран, сколько «конкретная политика, проводимая в отношении и в связи с этим процессом» [8, с. 17]. Соответственно, совершенно закономерным видится тот факт, что в современной военной стратегии КНР в качестве принципиально значимого для военно-политического руководства страны, личного состава Национально-освободительной армии Китая (НОАК), персонала профильных структур и научного сообщества зафиксировано комплексное, тщательно проработанное и скоординированное, обоснованное обеспечение сбалансированного соотношения видов вооруженных сил и родов войск. Будучи дополнен официально заявленным отказом от изначально пассивной, выжидательной парадигмы «реагирования на факт (идеологию)» в пользу явной интенсификации действий в рамках сочетающей защиту и наступательные действия теории «активной обороны», этот аспект ориентирован не на декларативное, а на реальное и долгосрочное усиление комплексной государственной мощи Китая (пока в региональном, а через несколько десятилетий — в глобальном масштабах).

Думается, и в ходе модернизации Вооруженных Сил Республики Беларусь, военной организации государства в целом отнюдь не бесполезным окажется использование опыта нашего стратегического партнера, руководство которого не только стремится, но и предпринимает практические шаги не для достижения паритета с развитыми в военном отно-

шении государствами, что является зачастую и затратным, и не слишком эффективным, а для создания и перманентной модернизации систем, способных нейтрализовать качественное и технологическое преимущество средств и методов ведения войны со стороны противника. Указанное обстоятельство весьма убедительно подтверждает фактическое дополнение параметров упомянутой стратегии «активной обороны» концепциями «быстрого реагирования» и «ограниченной войны в условиях применения “высоких” (наукоёмких) технологий».

В данном случае присутствуют как некие элементы преемственности профильной государственной политики КНР, так и попытки оперативного и даже упреждающего реагирования на изменения в международной обстановке, обострение традиционных и появление ранее неизвестных угроз, вызовов и рисков безопасности. Не случайно, если до середины 1980-х гг. в китайской военной стратегии и тактике наблюдался устойчивый акцент на предупреждение и противостояние масштабному вторжению Вооруженных Сил СССР в основные административные и промышленные центры Северного Китая, то после принятия июньского решения Центрального Военного Совета КПК 1985 г. страна в качестве наиболее вероятных форм конфликтов стала рассматривать именно локальные, ограниченные войны по периметру границ КНР [30].

С учетом перечисленных выше соображений, а также активно применяемых де-факто при реализации на практике стратегии долгосрочного развития страны принципов политической целесообразности и «минимакса» («минимум затрат при получении максимального результата») ныне китайская концепция исходит из возможности вступать в борьбу более чем с одним мощным противником при возможности без ущерба для обороноспособности при условии масштабного технико-технологического переоснащения одновременно сократить вооруженные силы до сравнительно небольшой высокотренированной постоянной армии с большим резервом. При этом следует учитывать, что новая военная доктрина КНР подразумевает системное совершенствование оперативной и боевой подготовки вооруженных сил с учетом специфики ведения, диверсификации форм, методов, видов современной войны, а также ускоренное формирование маневренных боевых единиц, способных оперативно и эффективно решать задачи по ликвидации серьезных внутренних беспорядков и внешних угроз для территориальной целостности государства [31].

Достижению заявленных целей и задач военной политики Китая, помимо ускоренного перевооружения и оптимизации структуры управления и военной организации, постоянного повышения квалификации личного состава и диверсификации форм присутствия во-

оруженных сил КНР за пределами ее границ, призваны содействовать многочисленным и довольно регулярным тренингам оборонительных операций с применением высокоточных, высокотехнологичных видов вооружения, а также совместных операций с привлечением различных видов вооруженных сил, родов войск [см.: 9; 10].

Что касается непосредственно реформирования управленческой структуры в сфере защиты китайского государства, то следует признать в целом удачной, оправданной и действительно целесообразной одобренную Всекитайским собранием народных представителей схему постепенного совершенствования системы вооруженных сил, состоящих из собственно НОАК (включает стратегические ракетные войска, сухопутные войска, ВВС, ВМС), народной вооруженной полиции и народного ополчения, в направлении создания комбинации сравнительно небольшой, но прекрасно оснащенной армии с мощными силами резерва. Не менее ответственная роль в укреплении безопасности Китая будет отведена и спецслужбам — Министерству общественной безопасности, Министерству государственной безопасности КНР, Главному разведывательному управлению Генерального штаба НОАК, разведывательным управлениям ВВС, ВМС, военных округов и гарнизонов.

Согласно утвержденной в конце 2006 г. новой программе модернизации национальной обороны, в течение ближайших 40 лет КНР намерена завершить процесс оптимизации и придания дополнительной гибкости структуре управления, создания «информатизированных вооруженных сил, способных успешно действовать в войнах с применением информационных технологий» [9, с. 17], в том числе с помощью собственных инновационных систем противоспутниковой борьбы, разведки, командования, управления, связи, наблюдения и рекогносцировки даже в космическом пространстве. Если на первой стадии (рассчитана на период до 2010 г.) большая часть мероприятий оказалась сконцентрирована на создании фундаментальных основ предполагаемых масштабных преобразований, оптимизации и качественном совершенствовании организационно-штатной структуры вооруженных сил, постепенном увеличении доли современных образцов техники и вооружений, то на второй (до 2020—2025 гг.) и третьей (до 2040—2050 гг.) стадиях акцент будет сделан на энергичном завершении комплексной модернизации инфраструктуры, создании собственной космической навигационной системы, технико-технологического и информационного обеспечения, компьютеризации и оснащении вооруженных сил самыми перспективными и уникальными средствами вооруженной борьбы, повышении потенциала ядерного сдерживания для

закрепления статуса Китая в качестве принципиально значимого актора в международных отношениях.

Однако особое внимание, помимо собственно технологических аспектов, китайское политическое и военное руководство предполагает уделить подготовке высококвалифицированных кадров нового поколения, налаживанию более плотного и системного взаимодействия видов вооруженных сил и родов войск от стратегического до оперативно-тактического уровней, его перманентному совершенствованию для надлежащей защиты не только критически важных для устойчивого развития страны восточных и приморских районов, но и всей территории государства в случае вынужденного участия в современных высокотехнологичных войнах различного масштаба, равно как эффективного решения задач по проведению антитеррористических операций.

Многие ученые и военные специалисты уже сегодня предупреждают, что «в недалеком будущем следует ожидать появления качественно новых видов и систем оружия, в том числе и оружия массового поражения» [2, с. 105], основанных на развитии технологий двойного назначения, качественно новых фундаментальных исследований (в частности, геофизического, лазерного, пучкового, разночастотного, акустического, уже теперь дозированно применяющегося информационного, психотронного и других видов). По мнению экспертов, это позволит в значительной степени перейти от прямых боестолкновений армий к адресно-избирательным методам скрытной войны, что надлежит учитывать в процессе разработки и непосредственно реализации военной политики любому государству, в том числе такому крупному, как КНР. Например, разночастотное оружие с использованием мощного электромагнитного импульса (ЭМИ), справедливо рассматриваемое в качестве стратегического в среднесрочной перспективе, «может быть использовано для выведения из строя ключевых объектов системы государственного и военного управления...» [2, с. 114]. Напомним, что только одна ЭМИ-бомба в 2003 г. вывела из строя всю электронную аппаратуру телевизионного центра в Багдаде. Довольно эффективным является тепловое и нетепловое воздействие микроволнового оружия на человека.

В данном контексте и сейчас заслуживает исключительно положительной оценки внушительный прогресс ВВС и ВМС Китая, эволюционировавших к участию в проекте европейской навигационной системы Галилей (*Galileo*) и созданию собственной навигационной системы Бэйду (*Beidou*), эксплуатации самолетов четвертого и «четвертого плюс» поколений, тестовому использованию противокорабельных ракет и совокупному наращиванию корабельной ПВО, ощутимому количественному (до трех амфибийных пехотных диви-

зий и двух бригад) и качественному развитию морской пехоты и т. д. По сведениям английских и американских источников, с 1995 г. Китай самостоятельно ввел в строй более 36 новых субмарин четырех классов [33], оснащенных ракетами с дальностью до 8000 км, в то время как в России закупает лишь подводные лодки класса «Kilo». Помимо изложенного, совсем недавно КНР спустила на воду несколько противолодочных ракетонесущих кораблей нового класса по технологии «Стэллс 2208», продемонстрировала ряд антиспутниковых систем и программ, продолжила серьезное обновление самолетного парка ВВС (заменяя более 3000 устаревших бомбардировщиков «Хун-5» (H-5), истребителей «Цзянь-5», «Цзянь-6» значительно меньшим количеством многоцелевых летальных аппаратов последних поколений собственного и зарубежного производства). Упрочили и технологическое обеспечение войск ПВО за счет постановки на боевое дежурство собственно китайских зенитно-ракетных систем большой дальности FT-2000, приобретенных в России комплексов С-300/МПУ-1, С-300П/ПМХ-2, ЗРС малой дальности «Тор-М1». В свою очередь, повышению боевых возможностей и мобильности сухопутных войск способствовало создание в составе последних 20 мотопехотных дивизий, дополненное увеличением количества механизированных дивизий с двух до пяти [10, с. 50].

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем целесообразным согласиться с мнением ряда экспертов, справедливо полагающих, что «русский с китайцем — братья навек» — это хорошо, но слишком высоко в небесах, далеко от грешной земли, на которой должны складываться взаимные интересы» [21, с. 72]. Думается, данная фраза вполне применима и к белорусско-китайским отношениям, нуждающимся в постоянном развитии и дополнительном насыщении соответствующей «повестки дня» новыми компонентами, выгодными обоим государствам, проектами и направлениями в экономической, политической, собственно военной, культурной, научной сферах.

В частности, в пункте 49 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь среди наиболее эффективных мер по защите от внешних угроз зафиксировано в качестве одного из принципиально важных приоритетов «последовательное углубление отношений стратегического партнерства с Китаем, Венесуэлой, развитие всестороннего сотрудниче-

ства с другими государствами Азии, Латинской Америки и Африки, прежде всего с Индией, Вьетнамом, Бразилией, приведение масштабов экономического взаимодействия с ними в соответствие с уровнем политических отношений» [12]. Хотя, представляется, что в отличие от политического и экономического сотрудничества Республики Беларусь с КНР сегмент военного и военно-технического взаимодействия в двусторонних отношениях пока был задействован в сравнительно незначительной, даже неоправданно малой степени. Схожими для руководства обеих стран видятся и проблемы в идеологической сфере, связанные, по мнению политологов, с тем «как сочетать установку на модернизацию и глобализацию... со сбережением традиционных ценностей и традиционной культуры» [3, с. 11].

Таким образом, не вызывает сомнений, что перманентная модернизация военной организации государства (в том числе непосредственно вооруженных сил) является одним из приоритетов и одновременно условий реализации долгосрочной стратегии развития, в качестве цели которой руководством КНР и специалистами-международниками обозначается достижение к столетней годовщине образования страны «статуса сильной, модернизированной, объединенной... державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и равной по своему политическому влиянию, экономической и военной мощи другим державам мира» [10, с. 40]. Китайские ученые рассуждают о возникновении под воздействием модернизации, глобализации и грядущих вызовов качественно «новой философии» у китайской нации, отражающей тот факт, что она «стала глобальной» и вынуждена была уже неоднократно участвовать в «защите мира и стабильности на планетарном уровне и построении лучшего будущего для человечества» [29, р. 4].

Безусловно, указанное обстоятельство оказывает довольно серьезное влияние на разработку и дальнейшее осуществление военной политики КНР в средне- и долгосрочной перспективе, хотя по-прежнему у белорусской стороны не вызывает сомнений тот факт, что Китай во всех международных контактах продолжает придерживаться заявленных официально «принципов мира, развития, сотрудничества, независимой мирной внешней политики, ...неизменно открытой стратегии обоюдной выгоды» [29, р. 210].

Литература

1. Бажанов, Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века / Е. П. Бажанов. — М.: Известия, 2007. — 352 с.
2. Белоус, В. С. Оружие XXI века / В. С. Белоус // Междунар. жизнь. — 2009. — № 1. — С. 104—129.
3. Бергер, Я. М. КНР. Десятилетия поисков и свершений / Я. М. Бергер // Азия и Африка сегодня. — 2009. — № 10. — С. 7—13.
4. Боровой, В. Р. Возникновение Шанхайской организации сотрудничества и стратегия КНР в Центральной Азии / В. Р. Боровой // Вестн. БГУ. Сер. 3. — 2004. — № 3. — С. 35—40.

5. Боровой, В. Р. 11 сентября и политика Китая в Центральной Азии: новые приоритеты и акценты / В. Р. Боровой // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2004. — № 4. — С. 57–60.
6. Боровой, В. Р. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны» / В. Р. Боровой // Там же. — № 1. — С. 55–60.
7. Быков, О. Н. Международные отношения: трансформация глобальной структуры / О. Н. Быков. — М.: Наука, 2003. — 571 с.
8. Воскресенский, А. Д. Азиатский азимут внешней политики России конца XX — начала XXI в. / А. Д. Воскресенский // Россия — Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. — С. 7–22.
9. Каменнов, П. Б. Военно-промышленный комплекс КНР: достижения и проблемы / П. Б. Каменнов // Азия и Африка сегодня. — 2009. — № 1. — С. 15–23.
10. Каменнов, П. Б. Китай: принципы активной обороны / П. Б. Каменнов // Междунар. жизнь. — 2010. — № 4. — С. 40–56.
11. Клименко, А. Ф. Военные доктрины и концепции стран АТР / А. Ф. Клименко // Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. — М.: ИДВ РАН, 2002. — С. 39–47.
12. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. № 575 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P31000575>>. — Дата доступа: 22.11.2010.
13. Корсун, В. А. Дипломатия КНР в борьбе за постсоветское наследство в Центральной Азии / В. А. Корсун // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского. — М.: МГИМО: РОССПЭН, 2004. — С. 402–425.
14. Лебедева, М. М. Политическое урегулирование конфликтов / М. М. Лебедева. — 2-е изд. — М.: Аспект-пресс, 1999. — 270 с.
16. Михеев, В. Восточноазиатская «многополярность»: треугольник Россия—Китай—США / В. Михеев // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2009. — № 1. — С. 17–25.
17. Михеев, В. В. Глобализация и азиатский регионализм / В. В. Михеев. — М.: ИДВ РАН, 2001. — 219 с.
18. Михеев, В. В. Северо-Восточная Азия после 11 сентября: новые возможности в сфере безопасности и сотрудничества / В. В. Михеев // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского. — М.: МГИМО: РОССПЭН, 2004. — С. 17–42.
19. Петровский, В. Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия / В. Е. Петровский. — М.: Памятники ист. мысли, 1998. — 261 с.
20. Петровский, В. Е. Россия и трансрегиональные режимы безопасности в Евразии / В. Е. Петровский // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А. Д. Воскресенского. — М.: МГИМО: РОССПЭН, 2004. — С. 56–81.
21. Пядышев, Б. Д. Пекин выбирает «ось удобства» / Б. Д. Пядышев // Междунар. жизнь. — 2009. — № 9. — С. 67–72.
22. Свешников, А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников / А. А. Свешников. — М., 1999. — 180 с.
23. Свешников, А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности / А. А. Свешников // Китай в мировой политике: сб. ст. — М.: РОССПЭН, 2001. — С. 93–143.
24. Стефашин, В. В. Современные военно-доктринальные взгляды руководства КНР / В. В. Стефашин // Китай, китайская цивилизация и мир. — М.: ИДВ РАН, 1993. — Ч. 1. — С. 178–182.
25. Титаренко, М. Китай: цивилизация и реформы / М. Титаренко. — М.: Республика, 1999. — 240 с.
26. Титаренко, М. Л. Россия, Китай, Индия в глобальном мире / М. Л. Титаренко // Междунар. жизнь. — 2002. — № 6. — С. 54–64.
27. Титаренко, М. Л. XVII съезд КПК. «Перспективы светлые, но путь извилистый» / М. Л. Титаренко // Там же. — 2007. — № 12. — С. 60–75.
28. Троицкий, М. А. Международная и национальная безопасность: современная концепция и практика / М. А. Троицкий. — М.: МГИМО, 2006. — 50 с.
29. Cao Dawei. China's History / Cao Dawei, Sun Yanjing. — Beijing: China Intercontinental Press, 2010. — 211 p.
30. Central Military Commission (China) [Electronic resource] // Wikipedia: the Free Encyclopedia. — Mode of access: <[http://en.wikipedia.org/wiki/Central_Military_Commission_\(China\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Central_Military_Commission_(China))>. — Date of access: 01.02.2011.
31. Doctrine Overview [Electronic resource] // Federation of American Scientists. — Mode of access: <<http://www.fas.org/nuke/guide/china/doctrine/overview.htm>>. — Date of access: 01.02.2011.
32. Frederking, B. Constructing Post-Cold War Collective Security / B. Frederking // American Political Science Review. — 2003. — Vol. 97, N 3. — P. 363–378.
33. Goldstein, L. J. Cold Wars at Sea / L. J. Goldstein [Electronic resource] // Armed Forces Journal. — 2008. — April. — Mode of access: <<http://www.afji.com/2008/04/3373649>>. — Date of access: 20.06.2008.
34. Matthews, W. Pumping up the numbers / W. Matthews [Electronic resource] // Armed Forces Journal. — 2008. — April. — Mode of access: <<http://www.afji.com/2008/04/3392707>>. — Date of access: 20.06.2008.
35. Pak, Jin H. China's pragmatic rise and U.S. interests in East Asia / Jin H. Pak // Military Review. — 2007. — November/December. — P. 56–69.

«Модернизация вооруженных сил в контексте реализации долгосрочной стратегии развития Китая» (Виталий Воронович)

В статье представлен анализ теоретико-методологического обоснования и практической реализации проектов по модернизации Вооруженных Сил Китая как неотъемлемой составляющей долгосрочной стратегии развития страны, обозначена и дана краткая характеристика указанного процесса. Автор обращает внимание, что Китай на современном этапе и в обозримом будущем в качестве наиболее вероятных форм конфликтов рассматривает локальные, ограниченные войны по периметру границ КНР. Именно это требует активизации усилий по системному совершенствованию оперативной и боевой подготовки вооруженных сил с учетом специфики ведения, диверсификации форм, методов, видов войн нового поколения, реформирования управленческой структуры, а также ускоренного формирования

ния маневренных боевых единиц, способных оперативно и эффективно решать задачи по ликвидации серьезных внутренних беспорядков и внешних угроз для территориальной целостности государства.

«Modernization of the Armed Forces in the Context of Realization of a Long-term Strategy of the Development of China» (Vitaly Voronovich)

The article presents an analysis of theoretical and methodological foundation and practical implementation of projects on modernization of the Armed Forces of China as an essential part of a long-term development strategy. There is also a brief description of this process. The author notes that today and in the near future China considers local conflicts and limited wars along the borders of China to be the most likely forms of conflicts. It is this situation that requires greater efforts to improve the system of operational and combat training of the armed forces with specific reference to diversification of forms, methods of warfare of a new generation, reforming the management structure, as well as the rapid formation of maneuver able to combat units that can quickly and effectively deal with the tasks on eliminating serious internal strife and external threats to territorial integrity.

Статья поступила в редакцию в феврале 2012 г.